

Анжела МАЛЬЦЕВА, Полина СЕНИКИНА

«ОТ КАКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ»: О НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В статье рассматриваются негативные социальные, политические, экономические и духовные последствия либерализации общественной жизни: anomie, атомизация социальной жизни, кризис коллективной идентичности.

The article deals with the negative social, political, economic and mental consequences of the liberalization of public life such as: anomie, atomization of social life, crisis of collective identity.

Ключевые слова:

либерализм, либерализация, негативные последствия аномии, атомизация социальной жизни, кризис коллективной идентичности; liberalism, liberalization, negative consequences of anomie, atomization of social life, crisis of collective identity.

Политическая элита современной России избегает прямых ответов на вопросы об официальной государственной идеологии. Можно лишь догадываться об идеологических симпатиях российских политических лидеров. Вне зависимости от степени определенности и, что точнее, проявленности взглядов нынешнего политического руководства политологам необходимо выработать объективное представление о достоинствах и недостатках политических идеологий в свете конкретных экономических и социально-политических проблем развития России и особенностей политической культуры россиян. Данная статья посвящена «минусам» либерализма, заставляющим с осторожностью отнестись к этой идеологии как перспективе политического развития России.

В сердцевине либерализма — идеология прав человека. Речь при этом идет о человеке вообще, человеке, обретающем свою идентичность вопреки участию в жизни конкретного коллектива (села, города, нации, государства). Последствия разрушения коллективной идентичности видны уже сегодня: огромное число людей во всем мире, обратившись к бесконечным сериям универсальных потребительских актов, не знают, что отвечать на вопрос о том, кто они такие, и, как следствие, не знают, ради чего им жить и в чем смысл их жизни. В России ситуация еще сложнее. Подавляющее большинство россиян, будь им безвозмездно предоставлена земля и собственность в Европе, покинули бы свою родину. Немногие родители в России с радостью и гордостью отправляют своих сыновей в армию. Почти каждая девушка РФ положительно воспринимает возможность своего выхода замуж за иностранца. Все это можно продолжать достаточно долго. Анализу некоторых социальных, политических, экономических и духовных последствий разрушения коллективной идентичности в процессе «триумфального» шествия либерализма по планете посвящена данная статья.

Идеология либерализма, эта неизменная спутница рыночной экономики, предлагает такое видение человека, при котором он представляется в виде отдельного атома, освобожденного от всех структур, в которые он входит, и определяется безотносительно к родине, культуре и исторической памяти какого-либо конкретного народа и государства. Действительно, предпринимателю, покупающему рабочую силу, и по большому, и по малому счету не важна

МАЛЬЦЕВА

Анжела
Петровна —
д. филос. н.,
профессор;
заведующий
кафедрой социальных
дисциплин УлГПУ
им. И. Н. Ульянова
maltseva99@mail.ru

СЕНИКИНА

Полина
Александровна —
аспирант кафедры
философии УлГПУ
им. И. Н. Ульянова

национальность ее продавцов, так же как ему должно быть все равно, кто, в конце концов, приобретет созданные на его заводе товары. С другой стороны, наемному работнику, усвоившему идеи либерализма, не нужно думать о неудобствах, которые всеобщая забастовка его товарищей — железнодорожников или авиадиспетчеров — доставит населению страны, в которой она проводится. Мораль, совесть, любовь к родине в рыночной экономике становятся роскошью, которую могут себе позволить лишь совершенные чудаки и оригиналы.

Сложившаяся после Реформации новая философия индивидуализма рассматривает индивида как вещь в себе, абстрагированно от всякого социального и культурного контекста. Автономный субъект — это собственник самого себя, движимый только личным интересом. Если для древних свобода существовала, прежде всего, в возможности участвовать в общественной жизни, то для людей современности свобода заключается главным образом в возможности от этой жизни уклоняться. По мысли Алена де Бенуа, «общественная жизнь теперь является делом индивидуальных решений и заинтересованного выбора, человек же рассматривается как общественное существо не потому, что такова его природа, а потому, что в этом заключается его выгода»¹.

Либералы особенно настаивают на том, что индивидуальные интересы никогда не должны приноситься в жертву интересам коллектива, общему благу или общественному спасению. Это заключение исходит из идеи, что только индивиды имеют права, тогда как коллективы, будучи лишь приложениями к индивидам, собственных прав иметь не должны. Не имеет права педагогический университет, давший образование молодому человеку, требовать, чтобы он пошел работать учителем; нарушением прав человека следует считать ожидание города, вырастившего талантливого художника, что тот не уедет в столицу, а будет способствовать развитию вкусов горожан; не смеет страна требовать от тех, кому дала она язык, образование и культуру, чтобы они в ответ ей себя посвятили. Все вместе эти «нельзя» и «не смеет»

по отношению к коллективам называются «правами человека».

В обстановке всеобщей конкуренции индивиды все более отчуждаются друг от друга и становятся потенциальными врагами. Но следует помнить, что вместе с истончением социальных связей и десоциализацией индивидов исчезает общее благоприличие как совокупность ценностей, признаваемых народом, сохраненные в веках представления о чести и лежащее в основании нравов сознание вины и стыда.

Парадокс состоит в том, что либералы не перестают утверждать, будто рынок повышает до максимума шансы индивида достичь своих целей. Но вот целей-то как раз он людей и лишает, поскольку увеличение количества и качества выпускаемых товаров или увеличение продаж, или рост прибылей в силу их принципиальной неопределенности не могут служить ни ориентирами, ни целями.

Понимая нацию как рынок, либералы противопоставляют понятия государства и территории, ведь рынок — это скорее сеть, нежели пространство. Точно так же абстрактное «гражданское общество», понятое ими как текучий рынок, распространяется на всех людей и позволяет преодолеть разделение на страны и расы. Так, общество у Адама Смита — взаимный обмен услугами по приемлемой цене, и не более того². Джон Локк заявлял, что ребенок не рождается подданым какой-либо страны; достигая взрослого состояния, он волен выбирать правительство, при котором ему будет лучше всего жить, и политическое тело, которое нравится ему больше всего³. Джон Ролз во всех своих работах утверждает первичность индивида по отношению к его предназначению⁴. Нетрудно убедиться, что в концепциях своих теоретиков либерализм игнорирует привязанности и ангажированность человека, не сводимые к рациональному расчету.

Логика рыночного общества сопряжена с всеобщей уравниловкой. Экономический дискурс и людей превращает в вещи — взаимозаменяемые и обмениваемые на

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., 2007.

³ Локк Дж. Мысли о воспитании // Сочинения. В 3 т. — М., 1988, т. 3, с. 442.

⁴ Ролз Дж. Теория справедливости. — Новосибирск, 1995.

¹ Бенуа А., де. Против либерализма: К четвертой политической теории. — СПб., 2009, с. 25.

деньги. Экономическая логика распространяется на все социальное. Семья воспринимается как малое предприятие, ребенок — как объект долгосрочного инвестирования капиталов, общественные отношения — как отражение заинтересованных конкурентных стратегий, политическая жизнь — как рынок, на котором избиратели продают свои голоса наиболее многообещающим партиям. В самом человеке видят капитал («человеческий капитал»).

Зародившись в обществе, экономическая логика, в конце концов, поглощает его целиком. Исчезает субординация, иерархия, институты. Рыночные ценности становятся самыми возвышенными, тогда как во все предшествующие эпохи они воспринимались как самые низкие. Рынок разрушает сельские общины, семейные кланы, ремесленные цеха, духовные братства. И если мы и находим сегодня что-то подобное, то это не жизненно важные вещи, а просто игра, театр или пиар-средства.

На этом фоне восхищение и зависть вызывают страны и народы, бережно сохраняющие свои культуры, гордящиеся своей национальной самобытностью, с осторожностью рассматривающие рецепты концепции под названием «права человека» (Китай, Индия). Руководители этих стран понимают, что нет конкретного, реального человека без опутывающих его обязательств, без долга (перед семьей, страной, миром), до определенной степени ограничивающих его свободу.

Даже если нас не прельщают конкретные (китайские или индийские, иранские или белорусские) версии государственности, нам все же стоит задуматься, так ли уж безобидна демократия с ее концепцией прав человека, так ли хорош либерализм с его культом рационализма и индивидуализма и не слишком ли высока цена благополучия каждой отдельно взятой личности, которую приходится платить коллективам и обществам?